

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 45-57

DOI: 10.13187/rs.2025.1.45

<https://rs.cherkasgu.press>

Formation of the Old-Faith Population of Rudny Altai in the XVII–XIX centuries

Yerlan K. Jiyenaliev ^{a, *}, Zlikha O. Ibadullayeva ^a, Zhazira O. Khassenova ^a, Gulden B. Imangalieva ^b

^a Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Republic of Kazakhstan

^b N. Marabaev Lyceum School No. 7, Aktau, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the appearance, economic and socio-cultural adaptation of the Old Believers in the territory of the Rudny Altai in the XVII–XIX centuries. Russian Russians Based on the works of researchers and archival documents, an attempt has been made to study and evaluate Old Believers as a complex religious, ideological and cultural phenomenon of Russian reality, the worldview of millions of Russian people, which determined all aspects of the life of its supporters and became in the XVII–XIX centuries a fact and even a factor in the history of not only Russia, but also Kazakhstan.

Being in the most difficult economic and legal conditions, despite all the difficulties experienced, the Old Believer communities of the Rudny Altai led their intensive lives and, as best they could, survived in a foreign environment. The relations of the Old Believers are shown not only with the authorities and the Orthodox population, but also with the nomadic Kazakhs. The need for an exhaustively complete reproduction of tradition in a constantly changing environment led to the paradoxical position of the individual, which required maximum “mobility” to adapt to the new in order to maintain “immobility”, i. e. the traditional old one. The authors concluded that one of the most important reasons for preserving the foundations, traditions, and way of life is the comprehensive protection of the institution of the family among the Old Believers, who played a primary role in the life of the Old Believer society.

Keywords: Russians, split, Belovodye, Old Believers, Kerzhaks, Bukhtarians, Poles.

1. Введение

Староверы на территории Рудного Алтая представляют собой уникальную этнографическую группу, сформировавшуюся в результате переселения старообрядцев в этот регион в основном в XVII–XIX вв. Они расселились в горных долинах Бухтармы, а также в других районах Алтая. Старообрядцы бежали на Алтай, спасаясь от религиозных преследований в центральных регионах России, связанных с церковной реформой Никона. Здесь представлены разные толки старообрядчества, в том числе каменщики, поляки и др. В прошлом староверы часто жили обособленно, но в настоящее время взаимодействуют с другими жителями Алтая. Они сохраняют древние русские православные традиции, обряды и уклад жизни, включая свои особенности в одежде, пище, семейных отношениях. Невзирая на политические катаклизмы, старообрядческая культура на Алтае продолжает развиваться и обогащаться, а регион остается одним из важных ареалов распространения русской культуры.

* Corresponding author

E-mail addresses: erlan.77@inbox.ru (Y.K. Jiyenaliev)

2. Материалы и методы

Исследование процесса становления и адаптации староверов на территории Рудного Алтая основано на следующих группах источников:

1) архивные документы – фонды Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), Государственного архива Алтайского края (далее – ГААК) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), содержащие материалы о староверах вышеуказанного региона;

2) научная литература и периодика – монографии, статьи и исследования, посвященные истории и адаптации староверов Рудного Алтая в XVIII-XIX вв.

Исследование староверов Рудного Алтая опирается на междисциплинарный подход, сочетая методы этнологии, социологии, исторической науки и культурологии.

Для изучения процесса адаптации староверов на территории Рудного Алтая применялись различные методы исторической науки, включая анализ архивных документов, статистических данных, законодательных актов и мемуарных источников, что позволило выявить основные этапы формирования староверческих групп на вышеуказанной территории и факторы, повлиявшие на их расселение, адаптацию и трансформацию идентичности, зафиксировать особенности их традиционной и современной культуры, семейно-бытовых традиций, религиозных практик, хозяйственной деятельности и системы ценностей. Применялся также контент-анализ СМИ и документов этнокультурных объединений. Анализ публикаций, связанных с деятельностью староверов, позволяет выявить современные тенденции в развитии и сохранении традиции, обряды и уклад жизни. Комплексное применение вышеуказанных методов обеспечивает всесторонний анализ староверов Рудного Алтая, выявляет закономерности их исторического развития, адаптации и этнокультурной трансформации в условиях многонационального общества.

3. Обсуждение

В литературе имеется мало дореволюционных источников о старообрядческом населении алтайских предгорий и юго-западного Алтая. П.С. Паллас, путешествовавший по Западной Сибири в июле 1771 г., предполагал из Семипалатинска проехать до Усть-Каменогорска, оттуда по реке Бухтарме, но вследствие своей болезни, доехал только до района реки Убы и остановился в селе Красноярском, откуда, после выздоровления, двинулся не на юг, а на восток к Змеиногорской крепости. Таким образом, сведения этого путешественника касаются лишь поселений староверов, появившихся на Убе незадолго до его приезда. Упоминаются Шемонаиха, Екатериновка и другие деревни. Студент, отправленный Палласом к югу, доехал до Усть-Каменогорска и оттуда направился вверх по Ульбе (Паллас, 1786).

Первое по времени описание быта бухтарминских старообрядцев относится к первой половине XIX столетия. В 1826 г. предпринял поездку по Алтаю профессор ботаники Дерптского университета К. фон Ледебур со своими помощниками А. Бунге и К. Мейером. Сам Ледебур проехал как раз по долине Бухтармы, посетив главные селения старообрядцев, и добрался до пограничного китайского форпоста Чингистай. Его помощники проехали по восточному Алтаю (Ледебур, 1826).

К середине и концу XIX в. относятся уже многочисленные сведения об алтайских старообрядцах, в частности, о «каменщиках». По-видимому, эта группа русского алтайского населения весьма интересовала и научную и общественную мысль. Появляется ряд статей в центральных и сибирских газетах. Бухтарминским населением интересуется и Русское географическое общество, член которого А. Принтц предпринял в 1863 г. поездку в Бухтарминскую долину и соседние с ней районы.

В конце XIX в. этот район посещается преимущественно сибирскими исследователями. В XX столетии изучением бухтарминского района энергично занялся Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, члены которого неоднократно посещали различные районы русского Алтая и, в частности, Бухтарминский район. Ряд статей, посвященных быту «каменщиков», напечатан в «Записках» Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Часть подготовленных работ не была опубликована, но некоторое представление о них можно иметь на основании обзора деятельности Семипалатинского подотдела, помещенного в «Записках» Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

В советский период несмотря на отрицательное отношение к религии, сохраняется интерес исследователей к старообрядцам Рудного Алтая. В 1927 г. Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова приняли участие в казахстанской этнографической экспедиции Академии наук СССР, целью которого было изучение старообрядческого населения района реки Бухтармы. В ходе экспедиции был собран и опубликован богатейший материал по истории, культуре, хозяйству староверов Восточного Казахстана (Бломквист, Гринкова, 1930).

Н.Е. Бекмаханова предоставила сведения об истории освоения староверами данного региона в рамках в рамках антифеодальной борьбы русского крестьянства, одной из форм которого рассматривалось бегство в поисках спасения от произвола царских властей и крепостного гнета (Бекмаханова, 1980).

В 1990-е гг. в связи с развалом СССР, возрождением религии и поиском новых духовных ценностей в России и Казахстане вновь усилился интерес к старообрядчеству, как к идеологии, которое продемонстрировала способность к самовывживанию в инокультурной среде и в условиях жесточайших преследований со стороны властей.

Директор международного научно-образовательного центра «Мир и культура XXI века», кандидат исторических наук С.З. Раздыков в рамках научного проекта «История межэтнических, межконфессиональных отношений в Республике Казахстан» изучал сохранившиеся очаги старообрядчества на территории локального проживания староверов на территории Восточно-Казахстанской области с целью определения особенностей языка, материальной и духовной культуры. Автор пришел к выводу, что одной из важнейших причин сохранения устоев, традиций, образа жизни является всеобъемлющая защита у староверов института семьи, игравшей в жизни старообрядческого общества первостепенную роль (Раздыков, 2016).

Исследованием старообрядцев Рудного Алтая также занимались В.А. Липинская (Липинская, 1996), Н.И. Романова (Романова, 2002), О.Н. Осерчева (Осерчева, 2010), М.В. Бурковская, Т.Г. Казанцева, Н.С. Мурашова и другие (Казанцева, Мурашова и др., 2014).

4. Результаты

Массовое переселение старообрядцев, как в Сибирь, так и в Рудный Алтай начинается в последней четверти XVII в. и распространялось в соответствии с общей направленностью продвижения русского населения с северо-запада на юго-восток. В основной своей массе староверы были беглецами, скрывавшимися в труднодоступных ущельях Алтайских гор от правительственных повинностей, крепостной неволи, рекрутчины, а также религиозных гонений со стороны официальной церкви после церковной реформы в России в 1650–1660-х гг. В вину им ставилась верность церковному преданию, которая якобы повлекла церковный раскол.

Во времена правления Екатерины Великой отношение к староверам стало меняться. Императрица посчитала, что староверы могут быть весьма полезны для заселения необжитых районов расширявшейся Российской империи. За ними закрепляется термин «старообрядцы», хотя в постановлениях некоторых церковных соборов указывалось, что данный термин не вполне приемлем. Так, Иргизский староверческий собор 1805 г. назвал «старообрядцами» единоверцев, т. е. христиан, употребляющих старые обряды и старопечатные книги, но подчиняющихся Синодальной церкви. К началу XX в. вместо терминов «староверы»/«староверцы» все чаще стали употреблять «старообрядцы». Вскоре это наименование было закреплено на законодательном уровне указом императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости».

Большинство сторонников «старой веры» составили посадские люди и крестьяне, недовольные укреплением феодально-крепостнического режима и ухудшением своего положения, что они связывали с нововведениями. Оформление старообрядческой церкви стало показателем падения влияния официальной церкви на народные массы, которые стали искать убежища на окраинах Российской империи, в поисках Беловодья, мифической страны из чрезвычайно распространенной среди старообрядцев утопической легенды, где они имеют свои церкви, в которых богослужение идет по старым книгам, таинства крещения и брака совершаются по солнцу, за царя не молятся, крестятся двумя перстами.

Первоначально старообрядцы устремились в бескрайние сибирские просторы. В 1869 г. в Западной Сибири проживал 49 261 раскольник из 2 743 157 человек, населявших

регион. Среди них было много беспоповцев, которые поселились главным образом в Ялуторовском, Курганском, Ишимском, Бийском округах (Покровский, 1989: 319).

В дальнейшем, спасаясь от преследований властей, часть старообрядцев двинулась в сторону Алтайских гор, считая их тем самым Беловодьем, которое так рьяно искали все старообрядцы. В частности, Г.Т. Хохлов привел предание уральских казаков, которые искали эту мифическую страну (Хохлов, 1903: 109). К этому времени Алтай был буферной зоной и почти необжитой территорией между Россией и Джунгарским ханством, а после падения последнего, Цинской империей. Богатый животным миром и рыбой, этот благодатный край стал основным районом расселения старообрядцев в данном регионе. В результате в начале XX в. в Семипалатинской области, куда входил регион Рудного Алтая, русские составляли 27,21 % населения (Бекмаханова, 1986: 173).

Старообрядчество Рудного Алтая (Восточно-Казахстанская область) к середине XIX в. было представлено двумя основными группами: «каменщиками» (бассейн р. Бухтармы) и «поляками» (бассейны р. Убы и Ульбы), а также небольшим количеством добровольных и ссыльнопоселенных в XIX в. староверов со Среднего Поволжья и Урала. Концентрация староверов на Алтае была самой высокой в Томской губернии. По подсчетам В.А. Липинской, в 1842 г. в Бийском округе, в состав которого входил Рудный Алтай, их численность составляла 82,2 % от всех старообрядцев Томской губернии (Липинская, 1996: 269).

Староверы заселили междуречье в верховьях Убы, где сливались с ней Лосиха и Козлиха. По преданию, первым, кто поселился возле казачьего пикета у речки Лосихи, был Афанасий Гусликов со своей семьей. Случилось это 27 декабря 1764 г. (Обухов, Кратенко, 2010: 220).

Территорию Рудного Алтая можно назвать очагом русского старообрядчества. Предки современного бухтарминского населения состояли преимущественно из лиц, бежавших с горных заводов Алтая и из других мест, вследствие религиозных преследований, в наиболее недоступные места, в ущелья и горы, или «камни», по местной терминологии. От этого названия гор – «камни» – и происходило название данной группы старообрядцев – «каменщиков». Таким образом, переведя это название с местного диалекта на литературный язык, алтайских «каменщиков» можно назвать горцами (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2616. Л. 1-90б.).

Группа старообрядческого населения, живущая недалеко от бухтарминских «каменщиков», главным образом по течению рек Ульбы и Убы, также правых притоков Иртыша, впадающих несколько севернее Бухтармы, ближе к городу Усть-Каменогорску, носит название «поляков». Это название они получили в силу того, что до поселения здесь, на Алтае в XVIII в., предки современных «поляков» жили за пределами тогдашней России, в Польше, на острове Ветка на реке Соже. Ветка была заселена в XVII в. старообрядцами, которые, будучи теснимы правительством, бежали сначала в Стародубье, затем в Речь Посполитую. В течение первой половины XVIII в. Ветка стала центром старообрядцев и достигла высокого процветания. Российское правительство неоднократно обращалось к ветковцам с приглашением вернуться на Родину. После неоднократных отказов в 1735 г. был послан военный отряд, который разорил Ветку, и часть населения была возвращена в пределы России. Но через несколько лет Ветка опять возродилась. В 1764 г. при Екатерине II была произведена вторая «выгонка» Ветки, и все население было отправлено в Сибирь, часть на Алтай, часть в Забайкалье, где они известны под названием «семейских».

Алтайские «поляки» делились на различные секты: австрийцы и лжеавстрийцы, окружники или московцы, беглопоповцы или противокружники, поморцы, федосеевцы, филипповцы, дьяковцы, стариковцы и самодурцы (Бломквист, Гринкова, 1930: 149).

Как ни старались кержаки уйти подальше от царских властей и православного населения, но расширение территории Российской империи привело к возобновлению контактов между ними. В XVIII в. шло активное заселение и строительство рудников и заводов на Алтае. Первоначально горная вотчина принадлежала Демидовым, а с 1747 г. Кольвано-Воскресенские заводы были переданы в собственность императрицы Елизаветы Петровны. С середины XVIII в. на территорию заводов стали перекочевывать казахи. На заводах, подчиненных царскому правительству, сложилось многонациональное горнозаводское население.

В 1764 г. императрица Екатерина II издает специальный указ, согласно которому старообрядцам была обещана свобода вероисповедания при условии, если они поселятся в

русских сибирских владениях. Поток добровольных переселенцев был не столь велик, как того требовала экономика края. Поэтому правительство прибегло к насильственному переселению (Шарабарина, 2004: 250).

С 1865 г. было разрешено свободное переселение на Алтай крестьянам из Центральной России. По сведениям чиновника Е.Трофимова, на горных землях в середине XIX в. насчитывалось 1450 казахских кибиток и около 3 тыс. приписных крестьян (ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 557. Л. 1-82об.).

Поселение «поляков» на Алтае, по свидетельству историка П.А. Словцова, началось с 1763 г., вслед за изданием указа Екатерины II от 14 декабря 1762 г. Но основная масса «поляков» переселилась сюда уже после 1764 г., после разорения Ветки под руководством генерал-майора И.А. Маслова, целью которого было насильственное переселением старообрядцев из Речи Посполитой в регионы Российской империи. Паллас, посетивший Алтай в 1774 г., уже застал здесь «польские» селения: Староалейское, Екатерининку, Шемонаиху, Верх-Убинское, Сенисовку и Бобровку (Паллас, 1786: 575). Все жители названных селений, как пришедшие добровольно, так и сосланные, были поселены на правах государственных крестьян, с обязательством платить двойной податный оклад, установленный для всех раскольников Петром I. Как государственные крестьяне, «поляки» были свободны от обязательных отношений к заводам, поэтому не занимались никакими заводскими работами. Попав в глухой, отдаленный край, где не было никаких занятий, кроме горного дела, имевшего уже свой постоянный контингент рабочих, они занялись земледелием, развитие которого на Алтае, ради нужд горного дела и составляло главную цель их поселений здесь.

Но в 1779 г. юридическое положение «поляков» резко изменилось. Вследствие расширения горного дела на Алтае потребовалось увеличение контингента рабочих сил, и 21 мая 1779 г. был издан манифест о приписке к заводам крестьян «из казенного ведомства», т. е. государственных, проживавших в ближних к заводам и рудникам местностям. Первые годы этот манифест не имел практического применения, по крайней мере, в той местности, где жили «поляки», так как здесь не было еще потребности в увеличении рабочих рук в горном деле, и местные крестьяне оставались фактически на прежнем положении, по видимому, даже не подозревая о его изменении. Но с развитием горного дела на Алтае, с открытием новых рудников – Риддерсского, Бухтарминского и других – в самом районе поселения «поляков», появилась необходимость в новых рабочих руках. И в 1798 г. «поляки» были впервые привлечены к отбыванию заводских повинностей наряду с соседними селениями.

Для «поляков», до тех пор совершенно свободных от обязательных отношений к заводам, это было двойным ударом: помимо перехода в несвободное состояние, их тяготила и необходимость входить в близкие отношения с православными, отдавать своих детей на заводы к «мирским», от которых они ранее держались обособленно. Самой обременительной из заводских повинностей была обязанность доставлять руду, дрова и прочий необходимый материал на заводы и рудники. Селения, где были ямские станции, отстояли друг от друга на 20-30 и более верст. Дороги были плохими, и возчики зачастую ломали сани, загоняли и калечили лошадей, в сильные бураны и морозы отмораживали себе руки и ноги, а случалось, и вовсе замерзали, сбившись с пути и попав в какую-нибудь трупобу. Тяжелым был и процесс заготовки дров, так как лес к концу XIX в. был уже вырублен вблизи селений. Приходилось ездить в горы, на склонах которых главным образом и сохранился нужный для заводов хвойный лес.

С наибольшей враждебностью «поляки», как раскольники, относились к рекрутской повинности, в силу которой они были вынуждены отдавать своих детей в мастерские при рудниках и заводах. Таким образом, они теряли их навеки, так как до 1849 г. служба мастеровых была бессрочной, а новые рекруты посылались в различные рудники и заводы, иногда за несколько сот верст от родины, причем их семьи часто даже не знали, где они находятся. Эта повинность была тяжелой для всех крестьян, но для раскольников, считавших грехом даже случайное общение с православными, она равнялась духовной смерти, так как при ней неизбежна была потеря «чистоты», а следовательно, и гибель души. Поэтому они всеми силами старались уклониться от рекрутской повинности: когда была возможность, откупались от нее при помощи взяток, если же откупиться не удавалось, бежали в горы, на Бухтарму, в Уймон и в другие места – спасались от «мира» в свою

излюбленную страну «Беловодье», еще не оскверненную присутствием человека. Таким образом, в глуши Алтая, в труднопроходимых и почти недоступных горных дебрях появлялись новые русские селения, распространялась русская колонизация края.

С открытием Зырянского рудника доступ к поселениям «каменщиков» стал легче. К тому же в этот период три года подряд на Бухтарме был неурожай, «каменщики» были вынуждены обратиться за помощью к правительству и уже официально войти в состав государства. В 1792 г. они получили помилование за бегство и укрывательство от правительства и подобно другим инородцам были обложены ясаком. Таким образом, «каменщики» вошли в состав Российского государства на тех же правах, что и туземцы Сибири, и по своему положению в государстве отличались от остального русского населения на Алтае, в том числе от остальных старообрядцев.

До середины XIX в. старообрядцы не призывались в армию, и только с 1840 г. начали проходить службу в Катон-Карагае. В Первую мировую войну они наравне с регулярной армией участвовали в боях в составе ополчения (Бломквист, Гринкова, 1930: 149).

Таким образом, зачисленные в «каменщики» инородцы вместо двойной подати и крепостной зависимости от заводов были обложены небольшим ясаком и не несли никаких повинностей. Позднее ясак был заменен денежной податью в 3 рубля 50 копеек, а в 1824 г. при учреждении сибирских губерний «ясачные каменщики» были переведены в разряд «оседлых» инородцев с оброком по 8 рублей с души (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Св. 24. Д. 303. Л. 218-253).

В 1792 г. при принятии Екатериной II «каменщиков» в качестве ясачных инородцев были образованы две инородческие управы или волости – Бухтарминская и Уйменская. Получив права инородцев и уже не опасаясь близости к крепостям и заводам, «каменщики» спустились с высоких горных ущелий, с верхнего течения Бухтармы и ее притоков, заняв наиболее удобное место в долинах горных рек. Таким образом, вместо существовавших ранее тридцати отдельных малых поселков по 2-3 дома, разбросанных в малодоступных местах, в 1792 г. образовалось 9 деревень: Осочиха, Быково, Сенная, Коробиха, Печи, Язовая, Белая, Фыкалка и Мало-Нарымская.

«Каменщики» не несли никаких повинностей, в том числе были свободны от подчинения администрации, поставки рекрутов, двойной подати и крепостной зависимости от заводов. С тех пор этот район по реке Бухтарме стали называть Ясашным краем (Бломквист, Гринкова, 1930: 29).

Жители Ясашного края не ладили с чиновниками Томской губернии, к которой относились земли, а полиция боялась заезжать к ним: «Они были отчаянными и отстаивали свободу», – писали русские краеведы в XIX в. (Бекмаханова, 1986: 175).

В 1826 г. здесь было 16, а через сто лет – около 200 кержацких и 67 переселенческих русских дворов (Обухов, Кратенко, 2010: 10).

У алтайских «поляков» и «каменщиков» в ряде бытовых особенностей наблюдается много общего, доказывающее общность происхождения этих двух групп и то, что здесь, в особых бытовых условиях, эти группы в одинаковом направлении развивали некоторые элементы своей группы. Главными занятиями «поляков» были земледелие, скотоводство и пчеловодство. Обрабатывающая промышленность отсутствовала, если не считать несколько кожевенных и клееварного завода в селе Шемонаевском. Вследствие гористости местности и высоты положения, обуславливающей суровость местности климата, земледелие здесь было развито слабо, зато превосходные пастбища и цветущие долины представляли все условия, необходимые для широкого развития скотоводства и бортничества, которые и являлись главными занятиями местных крестьян.

В XIX – начале XX в. «польские» селения принадлежали к Алейской, Александровской, Владимирской, Риддерской и Бобровской волостям Змеиногорского округа. Кроме того, до 50 дворов «поляков» жили в «сибиряцком» селе Саушке Курьинской волости того же округа (Михайлович, 1896: 87).

Обособленность «поляков» должна была способствовать сохранению среди них тех характерных черт, которые отличали их от сибиряков. Их селения напоминали старинную русскую деревню: чистые и покрытые зеленой травой широкие улицы, из-за домов виднелись небольшие сады. Планировка домов относилась к русской архитектуре: высокие крылечки с точеными столбиками, раскрашенными в разные цвета, затейливая резьба на окнах и крыше, деревянные петухи над окнами или на воротах.

Старообрядцы Алтая стремились сохранить здесь «истинное благочестие» и обрести здесь легендарное «Беловодье» как страну, где все свободно и легко живется, без всяких тягот и притеснений. Недаром один из исследователей Алтая К. фон Ледебур называл его «классическим очагом и приютом русского раскола» (Бломквист, Гринкова, 1930: 10).

Таким образом, сама история заселения Бухтарминского края являлась предпосылкой к тому, чтобы ожидать в нем сохранения пережитков старых форм быта. Этому также способствуют значительные расстояния: город Усть-Каменогорск от устья Бухтармы по Иртышу отстоит на 250 км, Семипалатинск – почти на 500 км. Вследствие слабой экономической и культурной связи с городом элементы городской культуры проникали в быт бухтарминцев крайне медленно. Школа и грамотность также являлись весьма слабыми проводниками культуры. Кержаки редко и неохотно посылали своих детей в местные школы. Они главной целью обучения считали умение читать по-церковнославянски для своего богослужебного обихода, так как не принадлежали к беспоповцам.

В основе такой отчужденности лежали религиозные убеждения бухтарминского населения. Центром беспоповщины на Бухтарме являлась деревня Белая, где находилась главная молельня или, как часто ее называли, церковь. Здесь жили главные беспоповские наставники или «старики», которые по вызову в разное время, а также в определенные сроки ездили в деревни Печи и Коробиха, где и справляли обряды крещения или различные службы. Кроме моления в молельной кержаки много молились дома. В каждом доме в переднем углу была устроена божничка со старинными литыми крестами и иконами.

Свою веру бухтарминские беспоповцы называли «стариковской», так как ими в религиозном отношении руководили старики, и в своих религиозных убеждениях они следовали «заветам стариков». Всех, кто не принадлежал к «стариковской вере», бухтарминские кержаки считали «мирскими», что равносильно по значению «поганым», и с ними старались иметь как можно меньше отношений. Одним из важных для кержаков было соблюдение и почитание «чашки», т. е. не употребление пищи совместно с «мирскими» и из той посуды, которую употребляют «мирские». Сами себя часто называли «чашными» или «братишными», чем хотели выразить, что они могут есть и пить из одной чашки только со своими кержаками. В силу этого в каждом хозяйстве имелось два набора посуды – для «чашных» и для «мирских». Если по ошибке «мирскому» попадала «братишна» чашка, то ее не пускали в обиход, пока не очистят от дьявольского прикосновения освящением с молебной, предварительно вымыв с молитвой в реке. Мыть посуду стараются в речной, проточной воде, чтобы лучше очистить от всякой нечисти. Соблюдение «чашки» твердо придерживались даже дети. Приходя в школу, они приносили с собой в отдельных посудинах воду для питья и ни за что не пили воду из того ведра, из которого брали воду остальные дети в школе. Кержак, побывавший в доме, где не было «братишной» посуды, приехав домой, не ел со своей семьей, пока не получал разрешения от наставников и не выполнял эпитимии.

Молодые кержаки, пришедшие с военной службы, также должны были выполнить эпитимию, очиститься, после чего они допускались в молельню и к общему столу со своими домашними. В праздники, при сборе гостей, или на поминках, всегда ставили несколько столов, и порядок рассаживания гостей зависел от того, «чашны» они или нет. «Мирских» сажали на отдельный стол.

Кержаки были гостеприимны и часто приглашали к себе в гости переселенцев и приезжих, но сами ни к кому из них не ходили и ничего у них не ели, так как у тех вся пища готовилась без благословения, «дьявольскими руками». Точно также ничего готового не покупали, даже сушеных фруктов, так как все это считалось «нечистым». При отсутствии в горах садов и фруктовых деревьев кержаки не только не пробовали, но даже и не видели яблонь, груш и т.п. Даже дети в строгих семьях и те боялись съесть покупную конфету. Правда, молодежь понемногу начинала нарушать эти строгие правила. По сведениям исследователей Е.Э. Бломквиста и Н.П. Гринковой, пожилые и крепкие кержаки, когда напивались пива, то уже не разбирали посуду и пили из всякой, хотя после этого все-таки шли очищаться (Бломквист, Гринкова, 1930: 12). Эти примеры достаточно красноречиво говорят о роли религии, способствовавшей сохранению старых форм быта и препятствовавшей культурному развитию населения.

Кроме «стариковской» веры, среди бухтарминских кержаков известна еще так называемая «крымская» или «австрийская» вера. Ее разделяли белокриницкие поповцы,

признающие священство, поставленное Белокриницкой австрийской иерархией. Эта «австрийская» вера стала распространяться с 1908 г., и в некоторых из коренных кержацких деревень значительный процент населения принадлежал к этой вере. Из пяти деревень на первом месте стояла Коробиха, где только 8 домов из 152 старожильческих сохраняли «стариковскую» веру, а остальные кержаки перешли в «австрийскую». Здесь с 1917 г. была особая «австрийская церковь», а с 1917 г. – священник из местных жителей.

«Стариковцы» считали свою веру самой истинной и самой чистой. Не входя в догматические тонкости, они по инерции и традиции хранили старые обряды. Живя замкнуто в религиозном отношении, кержаки все же не могли, в силу бытовых и экономических условий отказаться от контактов с людьми другой веры.

Воспитание у старообрядцев заключено в связке «дом – церковь». Воспитателями выступали оба родителя, или один из них, или родственники. Религиозное воспитание было связано с грамотностью. Наиболее распространенные для обучения старообрядцев были книги: Псалтырь разных лет и мест издания, Часослов, где собран практически костяк богослужения, Часовник, а для изучения крюкового пения и главам – Октай (богослужебная книга, содержащая песнопения для различных служб, распределенные по восьми гласам (напевам)). Библия, а тем более Евангелие было в каждом доме (Липинская, 1996: 245).

Старообрядческие семьи, окруженные «мирским миром», упорно отстаивали свою «цитадель», не только догматику веры отцов, но и все те мелочи, из которых состояла их повседневная жизнь. Старообрядцы отмечали все церковные и народные праздники – Рождество, Новый год, Крещение, Масленицу, Благовещенье, Вербное воскресенье, Пасху, Троицу, Ивана Купалу, Покров. Святки начинались с сочельника 6 января и заканчивались Крещением 19 января. Обрядовое поведение включало раннее вставание, запрет на работу, приготовление ритуальной пищи, праздничный обход дворов и славление Христа. Характерные святочные обряды включали хождение ряженных, колядование, посевание, «баловство» молодежи и гадания (Власова, 2019: 5).

В 1899 г. на реке Убе переселившимися российскими старообрядками-поморками был основан женский старообрядческий монастырь. Приехали вначале восемь сестер, которые отделились от поморской общины в Уфимской губернии. В 1911 г. их было здесь уже сорок, некоторые из них дали клятву « всю жизнь поработать на Христа ». Монашествовала здесь и мать известного на Убе и даже в Петербурге старообрядца Федора Афанасьевича Гусева, одного из самых настойчивых ходатаев за веротерпимость (Бломквист, Гринкова, 1930: 21).

Жизнь в монастыре протекала мирно. Матушки усердно трудились. Обязанности распределялись сообразно способностям и чину каждой. Игуменья заведовала самыми черными работами, а келью занимала самую тесную. Были матушки-плотники, матушки-конюхи и матушки-стряпки. Ели они хлеб, мед, изредка рыбу, часто постились. Много трудились, вставая рано, утреннее богослужение начиналось в три часа, заканчивалось в пять. В час был обед, в пять – вечера.

По сведениям исследователя Г. Гребенщикова, посетившего обитель летом 1910 г., в монастырской церкви стоял очень богатый иконостас. На золоте покоилось рукописное Евангелие, оправленное в бархатный переплет с серебряной чеканкой. От песнопений веяло чем-то средневековым. Он обнаружил, что в этой среде очень ценили старорусскую книгу. На одной из заимок ему показали книгу 1594 г., а вторую – Библию первопечатника Ивана Федорова. (Раздыков, 2016: 303-316).

В очерке «У старообрядцев Алтая» этнограф А.Е. Новоселов описывает скромное убранство келий, обставленных только столами и скамьями, но в каждой из них много икон. Храм ему напомнил скромную деревянную церковь, какие обычно строят в сибирских деревнях, но зато в ней богатое убранство, много икон. Налево от от входа – небольшая келейка, представляющая тот же храм в миниатюре, предназначенная для тех, «кому более по душе беседы с Богом наедине». Святость этого места поддерживалась неугасимым огнем лампы перед запрестольной иконой. Огонь был вывезен из какой-то русской святыни и горел в молельне уже много лет. Летом в монастырь приходили паломники со всей Убы. Старообрядцы видели жизнь монахинь, полную трудов и самоотречения, восхищаясь строгостью монастырского режима (Лобанов, Шашкова, 2007: 592).

Главными источниками для существования кержаков были охота и рыболовство. Последним занимались, главным образом, на озере Маркаколь южнее Бухтармы, а также на озере Зайсан, куда приходилось пробираться тайком вниз по Бухтарме и далее вверх по

Иртышу. В то время на реке Нарым, впадавшей в Иртыш несколько южнее Бухтармы, стоял первый китайский форпост. Поэтому при такой экспедиции за рыбой приходилось опасаться и казаков, и китайских войск. Путь от Усть-Бухтармы до Зайсана проходили за неделю, так как двигались преимущественно ночью. Зато Зайсан вознаграждал богатым уловом.

Другим главным источником существования первых староверов Алтая была охота. Шкуры выменивали у крестьян, живших около заводов на Иртыше и занимавшихся земледелием, на хлеб, а при недостатке муки пекли хлеб из пихтовой коры. Соль добывали сами, отправляясь верхом за самосадочной солью на озера, расположенные в 40 км к югу от Лонтевского завода. Привозили по 2-3 пуда такой соли в сумках. Весь путь за солью и обратно длился два месяца. Передвигаясь чаще всего только ночью, а днем скрывались. Многие предметы первой необходимости выменивали тайком от начальников пограничной стражи у китайских солдат, а также у казахов (киргизов). Жили разбросано в ущельях по одному, по два дома, редко небольшими поселками в 5-6 домов, опасаясь, главным образом, правительственных разведывательных отрядов.

До начала XX в. у кержаков сохранился целый ряд пережитков в области жилища, особенно временного и промыслового, а также в домашнем и хозяйственном и домашнем обиходе. Где была возможность, пытались заниматься земледелием и скотоводством.

«Каменщики» женили своих сыновей не ранее 18 лет, дочерей выдавали замуж по достижению ими 16 лет. Невест выбирали сами женихи (Белослюдов, 1913: 1-13).

На воспитание детей в старообрядческой семье оказывали решающее влияние труд, религия, фольклор, игры, поощрения и наказания. Специфика старообрядческой семьи состоит в обособленности, замкнутости и локальности старообрядческой общины (родственников и единоверцев), основанной на патриархальных отношениях. Разделение «мы» и «они» на два мира в культуре и быту староверов влияли на ребенка с раннего возраста, и он фактически сразу сознавал себя в каком-то ином мире, отличном от других (Раздыков, 2016: 303-316).

Близость кержацких поселков к китайской границе невольно наталкивала население на меновую торговлю с китайцами. Уже Ледебур в 1826 г. отмечал меновую торговлю или «сатевку», как один из самых главных промыслов бухтарминского населения, ставя эту торговлю наряду с земледелием, скотоводством и охотой (Бломквист, Гринкова, 1930: 15). Другие исследователи также указывали на широко развитую меновую торговлю с китайцами и казаками. (Раздыков, 2016: 303-316).

Кроме китайцев, бухтарминским «каменщикам» доставляли различные товары и русские купцы, имевшие очень давние торговые связи с Китаем. По оживленному торговому тракту на Кобде купцы устраивали сначала временные, а потом и постоянные зимовья и заимки. Кроме таких заимок, основанных отдельными предприимчивыми купцами, были устроены правительством специальные «меновые дворы» вскоре после появления русской администрации южного Алтая.

Здесь, на торговых заимках, в караван-сараях и меновых дворах «каменщики» могли обменивать добытые охотой меха как на китайские, так и на русские товары. Первоначально был спрос на русский порох, свинец, железо, винтовочные стволы, серебряные деньги, соль, а также медные чайники и котелки, и, наконец, ткани (щелк, сукна), причем много позднее, только в конце XIX столетия, получили распространение ситцы.

По сведениям Ледебура и других наблюдателей у бухтарминцев наблюдался такой же товарообмен с казаками, как с китайцами (Бломквист, Гринкова, 1930: 17). Кержаки в обмен на муку и меха получали казахские изделия: войлоки, овчины, плети, арканы, седла, уздечки, серебряные изделия, а также рогатый скот и лошадей. Кроме того, казахи выполняли для кержаков ряд работ по хозяйству, например, били шерсть, изготавливали серебряные украшения для упряжи, казахские женщины шили грубую рабочую одежду.

Казахи понемногу научились в кержацких хозяйствах сельскохозяйственным работам. Уже к началу XX в. почти вся работа по уборке сена и хлеба в зажиточных и середняцких кержацких хозяйствах лежала на казаках. Кроме полевых работ казаки были пастухами в кержацких селениях, а также пасли в летнее время кержацкие табуны.

Взаимоотношения бухтарминских кержаков и местных казахов складывались не только на хозяйственно-экономической почве. Вследствие тесных и постоянных отношений с казаками кержаки хорошо владели казахским языком. Наблюдались случаи вступления в

родство с казахами, при условии их крещения и хотя бы номинального исповедования «стариковской» веры.

Ввиду того, что в Алтай от трудной жизни бежало преимущественно мужское население, на Бухтарме чувствовался недостаток в женском населении. По преданиям кержаки силой увозили себе жен из русских деревень в предгорьях, где они являлись для обмена добытых звериных шкур на хлеб и другие предметы первой необходимости, или же мирным путем, посредством выкупа девушек у родителей. Наконец, недостаток женщин пополнялся казахскими (киргизскими) женщинами, которых крестили и брали в жены. Вплоть до начала XX в. у «каменщиков» сохранялся свадебный обряд с необходимой крупной суммой в виде так называемой «Кладни» или «Выговора» – выкупа за невесту, доходившей до 200 рублей (Шарабарина, 2004: 250).

Были также случаи, когда казахский мальчик попадал в кержацкий дом в работники. Хозяйка к нему привыкала, уговаривала креститься, затем усыновляла и женила на какой-нибудь бедной кержачке. Подобного рода факты не прошли бесследно для бухтарминского населения, и в облике его представителей можно заметить примесь тюркской крови, что наложило определенный отпечаток на антропологический тип кержаков. Почти в каждой деревне могут указать один или несколько домов, где дед или прадед, бабка или прабабка были «киргизы».

«Поляки» по своему антропологическому типу резко отличались от соседей-кержаков во внешнем виде которых гораздо больше сказывается примесь инородческой крови. Это объясняется более строгим отношением к сближению с иноверцами. Поэтому «поляки» имели более европейские черты, русые волосы, мягкие, несколько расплывчатые черты лиц, коренастую крупную фигуру и чистый великорусский гонор.

Большую зажиточность бухтарминских «каменщиков» отмечали все исследователи, начиная с Ледебура. (Бломквист, Гринкова, 1930: 18). По своему богатству «каменщики» выделялись среди русского крестьянства. Этому в значительной мере способствовали привилегированное положение бухтарминцев, не знавших ни крепостного права, ни горнозаводской повинности, ни рекрутской, а позднее воинской повинности, не говоря уже о податях, так как наложенный на них ясак был крайне незначителен.

В таких своеобразных условиях сложилась эта группа русского населения – «каменщики». В быте бухтарминских «каменщиков» много своеобразного, обусловленного как природой, так и историей и экономикой края. Горы, земельный простор, обильные зверем леса, наличие дешевых рабочих рук наложили определенный отпечаток на бухтарминское хозяйство. Близость китайской и монгольской границ также не остались без влияния и сказались в некоторых сторонах быта. Но под всеми этими местными наслоениями все-таки можно наметить основные этнические особенности бухтарминских «каменщиков» и определить их ближайшее родство с той или иной племенной группой русского населения. В тех сторонах культуры, где менее чувствуется местный – сибирский и бухтарминский отпечаток, можно установить определенную северно-великорусскую основу. О генетической связи с северными великороссами определенно говорят наиболее яркие факты языка бухтарминского населения, которые в основе своей имеют несомненные типичные северно-великорусские элементы. Эта же северно-великорусская основа определенно устанавливается при анализе основных элементов и форм одежды, дающей наиболее старинные северно-великорусские типы. Наконец, в основном типе жилища бухтарминских старообрядцев также намечаются характерные черты северо-великорусского жилья. Возможность выделить эту северо-великорусскую основу во всех сторонах быта бухтарминских кержаков представляют большой интерес при изучении типов и хронологии отдельных элементов русской культуры.

5. Заключение

Таким образом, старообрядческую субкультуру можно охарактеризовать как весьма развитую, самостоятельную мировоззренческую систему. Они позволяют более целостно понимать и освещать такое крупное явление в истории и культуре русского народа как старообрядчество. Важнейшей особенностью феномена старообрядчества, в значительной степени определившей его историческую роль, стало именно положение личности, живущей традиционной жизнью общины, с одной стороны, и жизнью общества своего времени –

с другой, т. е. равно владеющей двумя культурными кодами, двумя системами воззрений и исторического опыта.

Изучение старообрядческого населения в любом районе представляет большой научный интерес ввиду того, что население это, в силу своих религиозных убеждений, является приверженцем всего старого и хранителем древних традиций. Поэтому среди старообрядцев можно уловить многие реликтовые формы, в значительной мере исчезнувшее среди общей массы населения, и, таким образом, восстановить некоторые потерянные звенья эволюционной цепи развития того или иного этнологического явления. Эта отчужденность от всего «мирского», безусловно, способствует большему сохранению старого быта, хотя, конечно, этот старый быт нигде не сохраняется целиком и в большей или меньшей степени должен уступать место некоторым новым бытовым явлениям. Сам процесс заселения бухтарминской долины и образования в ней деревень говорит за то, что данное население долгое время было оторвано от остального мира и редко приходило в соприкосновение с иной культурой.

Общий принцип мировоззрения, диктующий старообрядчеству стремление к сохранению традиции и к воспроизводству в той или иной степени полноты «отеческой веры», культуры, духовно-нравственной, семейной и социальной жизни создал и общие «инструменты», позволившие движению в течение веков сохранить традиционную русскую культуру как систему.

Литература

Бекмаханова, 1980 – Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 279 с.

Бекмаханова, 1986 – Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 242 с.

Белослюдов, 1913 – Белослюдов А.Н. Свадебный ритуал «каменьщиков» / Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Вып. 7. Семипалатинск, Семипалатинская областная типография, 1913. С. 1-13.

Бломквист, Гринкова, 1930 – Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Кто такие бухтарминские старообрядцы. Л.: Издание Академии наук СССР. 1930. 460 с.

Власова, 2019 – Власова Г.И. Русский фольклор Восточного Казахстана. Астана: Prof Design Studio, 2019. 418 с.

ГААК – Государственный архив Алтайского края (ГААК).

Казанцева, Мурашова и др., 2014 – Казанцева Т.Г., Мурашова Н.С. и др. Старообрядцы Алтая // *Алтайский старообрядец*. 2014. 9 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://altaistarover.ru/articles/history/39-starobryadtsy-altaya-t-g-kazantseva-n-s-murashova-i-dr> (дата обращения: 05.07.2025).

Ледебур, 1826 – Ледебур К. О путешествии Ледебур, Мейера и Бунге по Алтайским горам и частью по Киргиз-Кайсацкой степи // *Азиатский вестник*. 1826. Кн. 9-10. С. 130-137.

Липинская, 1996 – Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 269 с.

Лобанов, Шашкова, 2007 – Лобанов А.В., Шашкова Л.К. Русские Казахстана. Алматы, 2007. 592 с.

Михайлович, 1896 – Михайлович А. Русская колонизация горного округа Алтая // *Ведомости Тобольской губернии*. 1896. 25 апреля, № 16, С. 445-448

Обухов, Кратенко, 2010 – Обухов В., Кратенко А. Иртышская линия. Усть-Каменогорск: ИП Казакова С.И., 2010. 220 с.

Осерчева, 2011 – Осерчева О.Н. Хронограф важнейших дат Убинского старообрядчества XVIII – начала XXI вв. / *Макарьевские чтения. Материалы девятой международной конференции (21–23 ноября 2010 года)*. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2011. С. 140-155.

Паллас, 1786 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб.: Императорская академия наук, 1786. 575 с.

Покровский, 1989 – *Покровский Н.Н.* Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в. // *Христианство и церковь в России в России феодального периода.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. С. 77-87.

Раздыков, 2025 – *Раздыков С.З.* Субэтническая культура – староверы Восточного Казахстана // *Asian Journal "Steppe Panorama".* 2025. (4). С. 303-315.

РГИА – Российский государственный исторический архив (РГИА).

Романова, 2002 – *Романова Н.И.* Современное положение Русской Православной Старообрядческой Церкви в Казахстане и Средней Азии / *Старообрядчество: история, культура, современность.* М.: [Б.и.], 2002. С. 230-240.

Хохлов, 1903 – *Хохлов Г.Т.* Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». СПб.: Типография «Герольд», 1903. 109 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК).

Шарабарина, 2004 – *Шарабарина Т.Г.* Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск: Языкознание, 2004. 250 с.

References

Bekmahanova, 1980 – *Bekmahanova, N.E.* (1980). Formirovanie mnogonacional'nogo naseleniya Kazahstana i Severnoj Kirgizii. Poslednyaya chetvert' XVIII – 60-e gody XIX v. [Formation of the multinational population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan. The last quarter of the 18th – 60s of the 19th centuries]. М.: Nauka, 279 p. [in Russian]

Bekmahanova, 1986 – *Bekmahanova, N.E.* (1986). Mnogonacional'noe naselenie Kazahstana i Kirgizii v epohu kapitalizma (60-e gody XIX v. – 1917 g.) [Multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the 19th century – 1917)]. М.: Nauka, 242 p. [in Russian]

Beloslyudov, 1913 – *Beloslyudov, A.N.* (1913). Svadebnyj ritual “kamen'shchikov” [Wedding ritual of the “stone-makers”]. Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 7. Semipalatinsk, Semipalatinskaya oblastnaya tipografiya. [in Russian]

Blomkvist, Grinkova, 1930 – *Blomkvist, E.E., Grinkova, N.P.* (1930). Kto takie buhtarminskie staroobryadcy [Who are the Bukhtarmin Old Believers?]. Leningrad, Izdanie Akademii Nauk SSSR, 460 p. [in Russian]

ГААК – Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archives of Altai Krai].

Hohlov, 1903 – *Hohlov, G.T.* (1903). Puteshestvie ural'skih kazakov v “Belovodskoe carstvo” [Journey of the Ural Cossacks to the “Belovodsk Kingdom”]. SPb: Tipografiya “Gerol'd”, 109 p. [in Russian]

Kazanceva, Murashova i dr., 2014 – *Kazanceva, T.G., Murashova, N.S. i dr.* (2014). Staroobryadcy Altaya [Old Believers of Altai]. *Altajskij staroobryadec.* November 9. [Electronic resource]. URL: <https://altaistarover.ru/articles/history/39-staroobryadtsy-altaya-t-g-kazantsevan-s-murashova-i-dr> (date of access: 05.07.2025). [in Russian]

Ledebur, 1826 – *Ledebur, K.* (1826). O puteshestvii Ledebura, Mejera i Bunge po Altajskim goram i chast'yu po Kirgiz-Kajsackoj stepi [About the journey of Ledebour, Meyer and Bunge through the Altai Mountains and partly through the Kirghiz-Kaisak steppe] *Aziatskij vestnik.* Kn. 9-10. Pp. 130-137. [in Russian]

Lipinskaya, 1996 – *Lipinskaya, V.A.* (1996). Starozhily i pereselency: Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka [Old-timers and settlers: Russians in Altai. XVIIIth – early XXth centuries]. М.: Nauka, 269 p. [in Russian]

Lobanov, Shashkova, 2007 – *Lobanov, A.V., Shashkova, L.K.* (2007). Russkie Kazahstana [Russians of Kazakhstan]. Almaty, 592 p. [in Russian]

Mihajlovich, 1896 – *Mihajlovich, A.* (1896). Russkaya kolonizaciya gornogo okruga Altaya [Russian colonization of the Altai mountain region]. *Vedomosti Tobol'skoj gubernii.* 25 aprelya. № 16. Pp. 445-448. [in Russian]

Obuhov, Kratenko, 2010 – *Obuhov, V., Kratenko, A.* (2010). Irtyskaya liniya [Irtys line]. Ust'-Kamenogorsk: IP Kazakova S.I., 220 p. [in Russian]

Osercheva, 2011 – *Osercheva, O.N.* (2010). Hronograf vazhnejshih dat Ubinskogo staroobryadchestva XVIII – nachala XXI vv [Chronograph of the most important dates of the Ubinsk Old Believers of the XVIII th – early XXIst centuries]. *Makar'evskie chteniya. Materialy*

devyatoj mezhdunarodnoj konferencii (21–23 noyabrya 2010 goda). Gorno-Altajsk: RIO Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 140-155. [in Russian]

[Pallas, 1786](#) – *Pallas, P.S.* (1786). Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo Gosudarstva [Traveling through different provinces of the Russian State]. Ch. 2. Kn. 2. SPb: Imperatorskaya akademiya nauk, 575 p. [in Russian]

[Pokrovskij, 1989](#) – *Pokrovskij, N.N.* (1989). Tri dokumenta po istorii cerkvi v Sibiri v XVII v [Three documents on the history of the church in Siberia in the XVIIth century] Hristianstvo i cerkov' v Rossii v Rossii feodal'nogo perioda. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 77-87. [in Russian]

[Razdykov, 2025](#) – *Razdykov, S.Z.* (2025). Subetnicheskaya kul'tura – starovery Vostochnogo Kazahstana [Sub-ethnic culture – Old Believers of Eastern Kazakhstan]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 4: 303-315. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

[Romanova, 2002](#) – *Romanova, N.I.* (2002). Sovremennoe polozhenie Russkoj Pravoslavnoj Staroobryadcheskoj Cerkvi v Kazahstane i Srednej Azii [The current situation of the Russian Orthodox Old Believer Church in Kazakhstan and Central Asia] Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Mo.: [s.n.], pp. 230-240. [in Russian]

[Sharabarina, 2004](#) – *Sharabarina, T.G.* (2004). Russkie svadebnye tradicii na Rudnom Altae (konec XIX – seredina XXvv.) [Russian wedding traditions in Rudny Altai (late XIXth – mid XXth centuries)]. Ust'-Kamenogorsk, "Yazykoznanie", 250 p. [in Russian]

[TsGARK](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

[Vlasova, 2019](#) – *Vlasova, G.I.* (2019). Russkij fol'klor Vostochnogo Kazahstana [Russian folklore of Eastern Kazakhstan]. Astana, Prof Design Studio, 418 p. [in Russian]

Формирование старообрядческого населения Рудного Алтая в XVII–XIX вв.

Ерлан Курмашевич Джиеналиев ^{a, *}, Злиха Омирбековна Ибадуллаева ^a,
Жазира Оралбековна Хасенова ^a, Гулден Бисенбаевна Имангалиева ^b

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Школа-лицей № 7 им. Н. Марабаева, Актау, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается появление, экономическая и социально-культурная адаптация староверов на территории Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. На основе работ исследователей и архивных документов предпринята попытка изучения и оценки старообрядчества как сложного религиозного, идеологического и культурного явления русской действительности, мировоззрения миллионов русских людей, определившего все аспекты жизнедеятельности его сторонников и ставшего в XVIII–XIX вв. фактом и даже фактором истории не только России, но и Казахстана. Находясь в самых тяжёлых экономических и правовых условиях, несмотря на все переживаемые трудности, старообрядческие общины Рудного Алтая вели свою интенсивную жизнь и, как могли, выживали в инородческой среде. Показаны отношения староверов не только с властями и православным населением, но и с кочевниками-казахами. Необходимость исчерпывающе полного воспроизводства традиции в условиях постоянно изменяющегося окружающего мира, приводила к парадоксальному положению личности, от которой требовалась максимальная «подвижность» к адаптации к новому для сохранения «неподвижности», т. е. традиционного старого. Авторы пришли к выводу, что одной из важнейших причин сохранения устоев, традиций, образа жизни является всеобъемлющая защита у староверов института семьи, игравшей в жизни старообрядческого общества первостепенную роль.

Ключевые слова: русские, раскол, Беловодье, староверы, старообрядцы, кержаки, бухтарминцы, поляки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: erlan.77@inbox.ru (Е.К. Джиеналиев)